

предметъ пробуждалъ въ его мысли воспоминаніе о другомъ предметѣ, ему уже знакомомъ и какою либо стороною аналогичномъ съ первымъ. Подмѣтивъ сходство, человѣкъ отождествлялъ въ своемъ сознаніи предметъ, вновь ему представившійся, съ тѣмъ, который былъ уже знакомъ ему. Одинъ и тотъ же предметъ могъ вызывать и различные образы: молнія — змѣя, молнія — стрѣла; громъ — стукъ молота по наковальнѣ, громъ — стукъ колесъ небесной колесницы. Зевсъ ѣздитъ въ небесной колесницѣ и бросаетъ на землю молніеносныя стрѣлы, — это уже сложный образъ, мнѣ. — Изъ приведенныхъ примѣровъ видно, что народно-поэтическія произведенія отличаются отъ произведеній поэтическихъ образованнаго общества своимъ, такъ сказать, научнымъ характеромъ: каждый поэтический образъ въ нихъ есть отвѣтъ на вопросъ: что и какъ было, что и какъ есть. Одушевляя силы природы, человѣкъ, тѣмъ самымъ, объяснялъ ихъ дѣйствіе и, поражая ихъ могуществомъ, преклонялся передъ ними. Стало быть, поэзія, мифологія и наука, въ поэтическихъ созданіяхъ древнѣйшей эпохи, не различались рѣзко. Это тождество, въ первобытныхъ сказаніяхъ, науки и поэзіи объясняется тѣмъ, что первобытный человѣкъ не имѣлъ и не могъ имѣть отвлеченныхъ представленій; для него были возможны только конкретныя понятія — образы: онъ объяснялъ внѣшнія явленія съ помощію того, что подмѣчалъ въ себѣ самомъ (подошва и темя горы), и наоборотъ — явленія своего внутренняго міра, своей жизни — съ помощію того, что было уже ему извѣстно во внѣшней природѣ (жизнь — огонь, смерть — угасаніе его: народная пѣсня: „*Поисаетъ свѣча воску яраго, не становится у насъ Царевича*“). — (Сравнить отвѣтъ Голубиной книги на вопросъ — «откуда у насъ звѣзды частыя?» съ слѣдующимъ поэтическимъ образомъ у Гоголя: «Богъ одинъ величаво озираетъ небо и величаво сотрясаетъ ризу. Съ ризы сыплются звѣзды». — Разобрать народную пѣсню о горѣ: «А и горе, горе, гореваньце!» Сопоставить образъ, въ ней заключающійся, съ образомъ гора Повѣсти о Горѣ-Злочастіи).